Фёдор Михайлович Достоевский

Моя профессия предполагает, как бы высокопарно это не звучало, служение русской словесности и некоторую ответственность за неё. Литература жива до тех пор, пока её читают, понимают и принимают близко к сердцу. Ещё совсем недавно я была более или менее спокойна за русскую классику. Каждое поколение школьников, образование-то у нас до сих пор всеобщее, через пень-колоду, кое-как, но читало все эти книги, или хотя бы слышало о них, или вело разговоры о том, что главное в этих книгах. А главное в них – человечность.

Понятно, что чтение не делало всех сразу прекрасными людьми, но пусть у немногих кое-что всё же в душах оставалось. И вот новые веяния. Убрать. Убрать Толстого – длинно и занудно. И Достоевского тоже – уж больно мрачен для неокрепшего сознания наших подростков. Какой урок они вынесут из этих романов?! Сплошной ужас.

Взрослая жизнь, к сожалению, не мёд и не сахар, и состоит не только из приобретений, но и утрат. Чтобы не впасть в отчаяние, переступив порог детства, человек должен иметь опыт не только радости, но и страдания. А ещё урок мужественного переживания этого страдания. И урок сострадания. И прекрасно, если этот опыт будет книжным. Главное, чтобы он стал личным опытом.

Автору «Преступления и наказания» хватило в жизни страданий. Хотя детство его начиналось вполне безоблачно. Да, он родился в больнице для бедных, но не потому, что семья нуждалась. Его отец служил в этом заведении лекарем. До поры до времени крутой нрав отца уравновешивался тихой кроткой любовью матери. «Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей…», — вспоминал спустя полвека Фёдор Михайлович.

Итак, семейство было патриархальное, набожное. Не удивительно, что первое сознательное воспоминание Достоевского такое: его, трёхлетнего, няня привела в гостиную под образа, чтобы малыш помолился на ночь. В гостиной были взрослые и очень его хвалили: «Ах, какой умный мальчик!» Эта вечерняя молитва: «Все упование, Господи, на Тебя возлагаю. Матерь Божия, сохрани мя под кровом Своим» сопровождала его всю жизнь, как и другие светлые детские воспоминания, о которых сам Фёдор Михайлович потом скажет: «Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь». Это и воспоминания о матери, о том, как она повела мальчика в храм, где он впервые ощутил присутствие Бога, и нянины сказки, и мужик Марей.

История про волка и мужика Марея, по-моему, служит примером того, как нужно относиться к детям, их выдумкам, их страхам. Дело было в деревне, принадлежащей отцу будущего писателя. Там семья проводила

лето. Маленький Федя исследовал крошечную рощицу недалеко от дома, и вдруг ему почудилось, что кто-то кричит: «Волк идёт!» Испуганный мальчик бросился бежать к мужику, который пахал рядом с леском. Этот большой простой человек отнёсся к мнимым страхам мальчика без насмешки, с ласковым пониманием. Пообещал «не дать» ребёнка волку и смотреть, чтобы никто мальчика не обидел, пока тот не добежит до дому.

Да, уклад в доме был строгий. Например, летом, если отец ложился отдыхать после врачебного обхода, один из старших мальчиков должен был в течение полутора часов отгонять от спящего мух, не производя при этом никакого шума! Вы можете представить шестилетку, неподвижно сидящего полтора часа? Я - нет. Однако Достоевский вспоминает себя вовсе не паинькой: «По старшинству я родился вторым, был прыток, любознателен, настойчив в этой любознательности, прямо-таки надоедлив — и даровит. Года в три, что ли, выдумал слагать сказки, да еще мудреные, пожалуй, замысловатые, либо страшные, либо с оттенком шутливости». Его брат А.М. Достоевский в своих «Воспоминаниях» отмечал горячий и пылкий нрав Фёдора. Отец будущего писателя М. А. Достоевский с тревогой повторял сыну: «Эй, Федя, уймись, несдобровать тебе… быть тебе под красной шапкой!» То есть допрыгаешься до настоящего преступления, будешь наказан, ждёт тебя рекрутчина – в солдаты попадёшь.

Детей доктора Достоевского берегли от дурных влияний, от мерзостей жизни. Не уберегли. Среди редких друзей девятилетнего Феди была, как он сам потом вспоминал, десятилетняя девочка, дочь то ли кучера, то ли повара. «Это был хрупкий, грациозный ребенок лет девяти, — рассказывал Достоевский. — Когда она видела цветок, пробивающийся между камней, то всегда говорила: “Посмотри, какой красивый, какой добрый цветочек!”» И вот над этой маленькой девочкой на глазах у Феди Достоевского надругался какой-то пьяный мерзавец. Пока мальчик бегал за отцом, девочка истекла кровью.

Эта трагедия оставила незаживающую рану в душе Фёдора Михайловича. С тех пор, очевидно, самое страшное преступление для него – преступление против ребёнка.

На пути из Москвы в Петербург, куда он был отправлен отцом для поступления в Главное инженерное училище, юный Достоевский наблюдал такую картину. На станции фельдъегерь, почтальон для важных государственных посланий, вскакивает в курьерскую тройку и невозмутимо начинает бить ямщика по затылку огромным кулачищем. Поражённый возница бешено хлещет лошадей, которые от ужаса и физической боли несутся как безумные. Это был ещё один пример бессмысленной жестокости и безвинного страдания. Как в черновиках к «Преступлению и наказанию» Достоевский напишет, что это было «первое его личное оскорбление – лошадь, фельдъегерь»

С той поры прошло много лет. Трагические события в жизни этого человека следовали одно за другим, одна циничная инсценировка смертной казни чего стоит! Но это отношение к чужому страданию как к личному оскорблению осталось в нём навсегда. И не случайно в его романах на разные голоса кричат униженные и оскорблённые, требуя, чтобы в людях проснулась совесть.

Достоевский входит в десяток самых читаемых авторов на планете. Миллионы людей ищут и находят нравственный ориентир в его книгах. Думается, и нашему юношеству стоит читать книги Фёдора Михайловича Достоевского. И очень внимательно.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь